

Вторник после затмения

и
Софья Вечерняя

Софья Вечерняя

Вторник после затмения

«Автор»

2026

Вечерняя С.

Вторник после затмения / С. Вечерняя — «Автор», 2026

Что, если однажды ваша тень перестанет вам подчиняться — и покажет то, от чего вы годами отворачивались? Во вторник после затмения жители Ладоги замечают: тени опаздывают, убегают, остаются там, где произошло важное. Город ищет объяснение и боится. Но затмение не создало трещин между людьми — лишь высветило давно спрятанные страхи, обиды и выборы. Пытаясь вернуть привычный порядок, герои учатся замечать чувства без осуждения, отличать факты от удобных версий и говорить о трудном, не требуя мгновенного прощения. Принять свою сложность — не значит оправдать ошибки: важно увидеть свою ответственность и выбрать следующий честный шаг. «Вторник после затмения» — притча о целостности, границах и связи с другими. Для тех, кто устал убегать от себя и ищет не готовые ответы, а смелость видеть правду и действовать осмысленно, даже когда будущее неясно. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Вечерняя С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Город, который не замечал своих теней	6
День, когда солнце исчезло	10
Вторник после затмения	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Софья Вечерняя

Вторник после затмения

Вторник после затмения

Софья Вечерняя

Город, который не замечал своих теней

Во вторник после затмения Ладога проснулась так, будто небесное происшествие случилось в другом городе.

В семь сорок на площади отставали городские часы. В семь сорок пять грузчик выгрузил у рынка ящики с яблоками. В семь пятьдесят автобус на Озёрную улицу тронулся от остановки, хотя женщина в синем пальто ещё поправляла сумку и наверняка надеялась, что водитель подождёт. Он подождал. Он всегда ждал, если видел её в зеркале заднего вида.

Город жил по привычным маршрутам. От рынка к аптеке, от аптеки к почте, от почты по узкой улице, где дома стояли близко друг к другу и слушали, как люди здороваются. Пекарь каждое утро открывал боковую дверь прежде, чем главную. Учитель Илья Сергеевич проходил через площадь с портфелем в правой руке, хотя правое плечо у него болело. Мэр Соколов по дороге в администрацию покупал у одной и той же торговли два пирожка с капустой и каждый раз говорил, что берет их для секретаря.

Вчерашнее затмение обсуждали ровно до тех пор, пока не понадобилось обсуждать что-нибудь более насущное. Синоптики обещали его заранее, газета напечатала схему, а облака, как водится в Ладоге, не желали сотрудничать с наукой. К вечеру на площади уже говорили о протекающей крыше школы и цене на картофель. Небо снова было небом, и этого большинству хватило.

Мара открыла мастерскую в восемь десять. На двери висела табличка: «Реставрация. Не выбрасывайте старое». Последняя фраза была написана от руки и чуть накренилась вправо. Мара каждый месяц собиралась заменить табличку, но каждый месяц находились вещи поважнее.

В мастерской пахло пылью, воском и древесиной, которую недавно протёрли влажной тканью. На рабочем столе ждала музыкальная шкатулка, принесённая библиотекарем. Её крышка не закрывалась из-за тонкой трещины возле петли. Большинство людей заметило бы только, что шкатулка сломана. Мара видела, где дерево устало, куда проникла влага и какой уголок можно укрепить, не лишив вещь её возраста.

Она надела фартук, включила лампу и провела пальцем по трещине.

— Ну что, — сказала она шкатулке. — Не будем делать вид, что ничего не произошло.

Телефон завибрировал на подоконнике. На экране высветилось: «Папа».

Мара убрала палец с дерева.

Отец звонил второй раз за утро. Вчера он прислал сообщение: нашёл в шкафу коробку с мамиными фотографиями, хотел бы разобрать её вместе. Мара ответила, что заглянет на неделе. Слово «неделе» было удобным: в нём помещалось много дней, и ни один не требовал немедленного решения.

Она перевернула телефон экраном вниз и взяла тонкую кисть. Шкатулка ждала. Шкатулки были проще людей: если трещина расходилась, это было видно. Если деталь не подходила, можно было попробовать другую.

В половине десятого пришёл Илья Сергеевич. Он поставил на край стола настенные часы из школьного коридора. Часы отставали на одиннадцать минут и тикали с таким старанием, будто торопились доказать обратное.

— В седьмом кабинете они остановились во время контрольной, — сказал Илья. — Дети решили, что контрольная закончилась.

— Удобные часы.

— Не для учителя.

Илья улыбался, но в уголках глаз держалась усталость. Его пиджак был застёгнут на верхнюю пуговицу, хотя ворот рубашки уже выбился наружу. Мара заметила это и промолчала: у

каждого есть право носить одежду так, как ему удобно, даже если удобство явно проигрывает борьбе.

— Ты всё ещё думаешь про курсы в Петрозаводске? — спросила она, осматривая механизм.

Илья моргнул.

— Я упоминал?

— На прошлой неделе. Ты искал расписание.

— Ах да. Просто посмотрел. Там летняя программа для учителей. Ничего особенного.

Он произнёс это ровно, как человек, который заранее подготовил ответ на вопрос, которого не хочет слышать.

— Подавать документы можно до пятницы, — сказала Мара.

— Можно, — согласился он. — А можно не подавать. У нас тут и без меня дел хватает.

Он поправил часы на столе, хотя те не сдвигались. Затем добавил:

— Мальчишки в этом году хорошие. Один даже начал читать не только то, что задают.

— Тогда тем более стоит дать им шанс пережить тебя ещё одним летом, — сказала Мара.

Илья засмеялся, но не ответил. Он забрал квитанцию, поблагодарил её и ушёл, оставив после себя запах мокрой шерсти и одиннадцать потерянных минут.

К полудню Мара успела укрепить петлю шкатулки и забыть, что собиралась поесть. Когда живот напомнил о себе, она решила, что сначала надо отнести в аптеку баночку лака для Веры. Так было проще: голод можно было перенести, а чужую просьбу — выполнить.

В аптеке пахло мятными каплями и свежей бумагой. Вера стояла за прилавком, выслушивая пожилого мужчину в кепке. Тот говорил, что у него «ничего не болит», но всё равно просил что-нибудь от давления, потому что жена настояла.

— Конечно, подберём, — сказала Вера с улыбкой.

Её улыбка была профессиональной и крепкой, как застёжка на старой сумке. Мужчина ушёл с пакетом, а Вера поставила на место коробку, которую держала в руках.

— Ты сегодня обедаешь? — спросила она Мару.

— Обедаю.

— Когда?

— Уже почти.

— Ясно. В Ладоге «почти» считается отдельным приёмом пищи.

Мара поставила баночку на прилавок. Вера взяла её, прочитала наклейку и кивнула.

— Для шкатулки?

— Для рамы. Шкатулка ещё сопротивляется.

Вера повернула баночку в руках.

— Хорошо быть вещью, которую можно починить.

Сказав это, она тут же улыбнулась, будто случайно произнесла что-то лишнее.

— Ты же сама собиралась взять выходной, — сказала Мара. — На прошлой неделе говорила.

— Собиралась. У сестры в Приозёрске юбилей. Она хочет, чтобы я приехала на целый день, представляешь?

— Чудовищная просьба.

— Ужасная. Придётся ехать.

Вера произнесла это весело, но уже потянулась к телефону, чтобы проверить расписание автобусов. Мара не стала спрашивать, почему поездка на юбилей звучала у неё как побег. Иногда человек говорит о желании только для того, чтобы услышать, как оно звучит вслух.

На обратном пути Мара встретила мэра Соколова. Он стоял у газетного киоска и обсуждал с продавщицей новый план благоустройства площади. План лежал у него под мышкой, сложенный пополам, а два листа торчали наружу и хлопали на ветру.

— Здравствуйте, Мара, — сказал он. — Вы как раз тот человек, который нам нужен. Мара посмотрела на листы.

— Если это ещё один памятный знак, предупреждаю: у меня нет свободных рук.

— Не знак. Табличка у старого фонтана. Буквы почти осыпались.

— Это не срочно.

— В городе всё срочно, когда это замечают, — сказал Соколов и тут же поправился: — То есть когда жители обращают внимание.

Он произнёс последние слова так, будто сам не вполне им верил. Мара помогла ему собрать листы. На одном увидела схему площади: новые скамейки, два фонаря, клумба в форме лодки. На полях красным карандашом было написано: «Проверить ливнёвку».

— Вода опять стоит у администрации? — спросила она.

Соколов задержал взгляд на пометке.

— Там несколько сложнее, чем кажется.

— Обычно так говорят о том, что проще не решать.

Он рассмеялся чуть громче, чем требовала шутка.

— У вас талант находить трещины не только в дереве.

— Их обычно не приходится искать. Они сами сообщают о себе.

Мэр сложил бумаги в аккуратную стопку.

— Приведём всё в порядок. Обязательно.

Он уже повернулся к улице, когда продавщица газет позвала его по имени и спросила, будет ли летом фестиваль. Соколов обернулся с тем же доброжелательным лицом.

— Конечно, будет. Мы ведь не можем оставить Ладогу без музыки.

На мгновение Мара заметила, как он посмотрел на красную пометку о ливнёвке. Потом ветер поднял край его пальто, и Соколов зашагал к администрации.

Днём в мастерскую заглянули трое: библиотекарь забрала шкатулку, мальчик принёс сломанную деревянную машинку, а соседка попросила склеить ручку у зеркала. Мара никому не отказала. Она выслушивала, спрашивала, уточняла, сколько времени вещь провела возле батареи и не пытался ли кто-нибудь чинить её клеем для обоев.

Между делом телефон дважды засветился на подоконнике. Отец больше не звонил. Пришло сообщение: «Я нашёл альбом. Там есть несколько фотографий, которых ты, кажется, не видела».

Мара прочитала его, положила телефон экраном вниз и занялась машинкой. Левое колесо сидело криво. Чтобы выправить его, нужно было ослабить ось, но не до конца. Она работала медленно, пока не почувствовала, что затекла шея. Потом потянулась, поморщилась и продолжила, будто тело было ещё одной вещью, которую можно отложить на потом.

Около шести пришла тишина. Не полная: с улицы доносились голоса, звякнула велосипедная цепь, за стеной кто-то передвигал стул. Но в мастерской стало слышно, как часы на полке отсчитывают секунды.

Мара сняла фартук и посмотрела на работу. У шкатулки теперь ровно сходилась крышка. Она открыла её, и внутри тихо прозвучала мелодия. Несколько нот пропали, одна дрогнула, но песенка узналась.

На подоконнике лежала фотография в деревянной рамке. Отец принёс её в воскресенье вместе с коробкой, попросив поправить расшатавшийся угол. На снимке мама стояла у старого причала, молодая, с убранными назад волосами. Она не улыбалась в объектив, зато смотрела на фотографа так, будто он сказал ей что-то очень смешное и запретил смеяться.

Отец был за камерой. Мара знала это, хотя на фотографии его не было.

Рамку она починила ещё утром. Фотографию собиралась убрать в коробку, но оставила на виду, чтобы проверить, не осядет ли пыль на стекле. Весь день она прошла мимо неё раз

двадцать. Каждый раз замечала скол на углу, следы старого лака, тонкую царапину у основания. На мамин взгляд не смотрела.

Мара надела пальто, убрала инструменты и проверила, выключен ли нагреватель. Потом погасила лампу над столом. Витрина отразила тёмную мастерскую и улицу за её спиной. В стекле смешались два пространства: полки, отражение фонаря, край тротуара. На фотографии лицо матери стало бледным, почти прозрачным.

Мара уже подошла к двери, когда увидела себя в витрине. Точнее, своё отражение: пальто, поднятый воротник, ключи в руке. Она отвернулась от окна и потянулась к замку.

Тень на стекле осталась у фотографии.

Не резко, не так, чтобы можно было закричать или сразу придумать объяснение. Просто тёмный силуэт будто задержался на месте, наклонённый к снимку, пока сама Мара уже стояла у двери. Она замерла. С улицы донёсся шум автобуса, и свет его фар скользнул по витрине. Тень дрогнула, потянулась за Марой и слилась с отражением её пальто.

Мара посмотрела на фотографию. Потом на пустой участок стекла.

В мастерской было темно. На улице автобус уходил к Озёрной, унося с собой свет и несколько голосов. Вероятно, отражение исказилось из-за двойного стекла. Вероятно, в глазах усталость. Вероятно, вечернее освещение.

Она закрыла дверь на ключ.

Телефон в кармане завибрировал. Отец прислал ещё одно сообщение: «Не спеши. Просто позвони, когда сможешь».

Мара достала телефон и задержала палец над экраном. Ей хотелось написать, что она занята. Хотелось пообещать, что зайдёт в четверг. Хотелось спросить, почему он так долго молчал о фотографиях. Вместо этого она просто прочитала сообщение ещё раз.

Потом убрала телефон и пошла домой. На перекрёстке она остановилась, потому что вспомнила: за весь день так и не поела. Вспомнила и то, что с утра у неё болело плечо. Эти вещи не исчезли оттого, что она о них не думала. Они всё это время ждали, пока она обратит на них внимание.

Впереди, на площади, городские часы по-прежнему отставали на две минуты.

День, когда солнце исчезло

Мара не сразу уснула. Плечо ныло, ужин так и остался не съеденным, а отцовское сообщение лежало в телефоне непрочитанным только для ответа: она открывала его уже несколько раз. За окном городские часы отсчитывали ночь с прежним опозданием. Когда по стеклу пополз первый серый свет, Мара всё ещё думала о том, что собиралась сделать завтра, и о том, что так и не сделала сегодня.

Утром площадь Ладогои заполнили складные стулья, детские самокаты и люди с картонными очками на переносицах. На фонарных столбах висели объявления: редкое солнечное затмение, максимальная фаза после полудня, смотреть только через защитные фильтры. Город готовился к зрелищу так, словно ожидал выступления знаменитого артиста: кто-то занял место у фонтана заранее, кто-то проверял объектив камеры, кто-то уверял, что видел затмение получше в детстве.

Мара принесла из мастерской термос и пакет с бутербродами. Съесть один она обещала себе по дороге, но у площади задержалась: нужно было отодвинуть коробку с инструментами от двери, убрать с подоконника чашку, ответить на вопрос соседки, не видела ли она прогноз облачности. Маленькие дела множились, и каждое выглядело достаточно важным, чтобы не замечать, как она опять пропускает обед.

Мастерская стояла на другой стороне площади. Когда-то там работал её отец, потом они работали вместе. Теперь дверь была заперта, окна затянуты пылью, а вывеска выцвела до почти неразборчивых букв. Мара старалась не смотреть туда без причины. Вчерашние фотографии отца — тёмные снимки знакомых верстаков и лежащей на боку табуретки — всё ещё ждали ответа в её телефоне.

— Если облака придут, я официально обвиню синоптиков, — объявил Илья.

Он стоял у фонтана с группой своих учеников и держал в руке пластиковую коробку с защитными очками. Школьники спорили, кто первым увидит, как солнце становится «серпом». Илья улыбался, но всё время пересчитывал ребят, будто кто-то мог раствориться в толпе.

— Обвинять можно, — сказала Вера, хозяйка кафе на углу. — Только сначала объясни им, почему нельзя смотреть без очков. Вчера двое спрашивали, можно ли использовать закопчённое стекло.

— Я объяснял.

— Значит, объясни ещё раз.

Она засмеялась, но улыбка тут же исчезла. Вера держала под мышкой плед и термос с чаем. Обычно она двигалась быстро, с привычкой человека, который успевает одновременно обслужить очередь, поймать падающую ложку и заметить, что у кого-то кончился сахар. Сейчас она опиралась бедром о край фонтана, будто ноги устали раньше, чем закончился день.

— Ты в порядке? — спросила Мара.

— Конечно. Просто до рассвета пекла булочки. Ничего такого.

Ответ прозвучал слишком быстро. Вера поправила термос и тут же занялась поиском чашек, хотя никто ещё не просил её наливать чай.

Поначалу затмение было почти неразлично. Солнце сияло над крышами, воздух пах горячим камнем и кофе, а прохожие то и дело поднимали к небу картонные очки. Мара тоже посмотрела. В фильтрах солнце оказалось маленьким белым диском, из которого будто аккуратно выкусили кусочек.

— Вот! — крикнул один из учеников.

— Не кричи на астрономию, — сказал Илья. — Она и так прекрасно справляется.

Дети засмеялись. Илья оглядел их, дождался, пока смех утихнет, и только после этого снова посмотрел на небо. Он умел держать внимание класса. По крайней мере, обычно.

Чем больше закрывалось солнце, тем заметнее менялся город. Сначала потускнели вывески. Потом исчезли яркие пятна на стенах. Солнце всё ещё было там, но свет перестал казаться безусловным. Он холодел, сужался, словно кто-то постепенно убавлял громкость у привычного дня.

Мара посмотрела на экран телефона. До максимальной фазы оставалось несколько минут. Она проверила время ещё раз, хотя часы никуда не двигались. Потом проверила, на месте ли ключ от мастерской, затем застегнула сумку. Ей хотелось убедиться, что всё под контролем, хотя контролировать было нечего: небо менялось по расписанию, которое существовало задолго до неё.

— Ты всё время смотришь на часы, — сказала Вера.

— Проверяю, чтобы никто не пропустил.

— Никто не пропустит солнце.

Мара хотела ответить, но вместо этого взглянула на мастерскую. Закрытая дверь выглядела так же, как утром. От этого почему-то стало легче. Закрытая дверь не задавала вопросов и не требовала немедленного решения.

Вокруг площади густел шум: люди переговаривались, дети звали родителей, кто-то объяснял соседу разницу между частичным и полным затмением. Несколько велосипедистов оставались у бордюра. На террасе кафе щёлкали чашки. Илья велел ученикам держаться вместе, и те послушно сбились ближе, хотя продолжали шутить.

Затем в разговоры стал просачиваться сумрак.

Люди замолкали не сразу. Одна фраза обрывалась, другая теряла смысл. Ветер стих. По площади прошёл прохладный воздух, и Мара почувствовала его на коже рук, хотя ещё минуту назад солнце грело ей запястья. На краю фонтана замерла девочка с красным шариком. Шарик едва заметно натянул верёвку и застыл.

— Сейчас, — произнёс Илья.

Все надели очки. Мара тоже. В прорези картона солнечный диск превратился в тонкую светлую дугу. Люди перестали переговариваться. Даже дети притихли, словно увидели не небесное явление, а что-то, к чему следовало отнестись почтительно.

Когда последняя полоска света исчезла, площадь погрузилась в темноту.

Не ночную — странную, неполную. Крыши ещё различались, лица побледнели, и на горизонте оставалась узкая кайма медного света. Но привычный день исчез. Фонари вспыхнули раньше времени. Где-то включилась автомобильная сигнализация. Ребёнок заплакал, и мать тут же прижала его к себе.

Мара не могла вдохнуть полной грудью. Она знала, что это продлится недолго. Знала точное объяснение, слышала его утром по радио, читала в городском объявлении. Но знание не возвращало свет и не давало ей рычага, за который можно было бы потянуть.

Она попыталась сосчитать секунды. Сбилась на шестой. Начала снова и снова сбилась.

Вокруг было много людей, но площадь казалась опустевшей. Мара услышала собственное дыхание и тихий стук сердца. Потом — голос.

— Мара.

Её имя произнесли негромко, почти у самого уха.

Она повернулась. Никто рядом не шевелился. Вера смотрела вверх через защитные очки. Илья стоял перед учениками, подняв ладонь, как на уроке, и ждал, пока они успокоятся. Двое ребят крепко держались за рукава друг друга. На лицах — ни удивления, ни узнавания.

— Ты меня звала? — спросила Мара.

Вера сняла очки.

— Нет.

— Кто-нибудь только что говорил?

Илья посмотрел на неё, не отпуская руку с поднятой ладони.

— Нет, — сказал он. — Все молчали.

Мара кивнула, хотя не была уверена, что услышала ответ. Может быть, имя всплыло из памяти. Может быть, она сама произнесла его беззвучно. Может быть, голос был частью внезапной тишины, в которой любой внутренний звук казался чужим.

Полная фаза длилась меньше минуты. За это время Мара успела несколько раз подумать, что должна что-то сделать, и не придумала, что именно. От этого ей стало страшнее, чем от темноты: она не могла исправить происходящее, ускорить его или подготовиться к каждому возможному исходу. Оставалось стоять на площади и чувствовать, как холодеют пальцы.

Потом на краю неба появилась яркая точка.

Свет вернулся быстро, но не сразу стал прежним. Сначала площадь окрасилась в серебристые оттенки, затем под ногами снова проявились тени. В толпе кто-то засмеялся. Кто-то захлопал, будто завершился спектакль. Девочка с красным шариком снова заговорила. Мать отпустила её руку.

— Вот и всё, — сказал Илья с той уверенностью, которую от него ждали ученики.

— Ага, — ответил мальчик в очках. — Мы даже не успели умереть.

Дети захохотали. Илья тоже улыбнулся, но только после того, как увидел, что засмеялись они.

По площади прокатился облегчённый шум. Люди снимали очки, сверяли снимки на телефонах и рассказывали друг другу, каким было затмение, хотя все стояли рядом и видели одно и то же. Вера протянула кому-то чашку чая и сказала, что сейчас отнесёт остальное в кафе. Затем осталась сидеть на бортике фонтана.

— Ты же собиралась убрать чашки, — напомнила Мара.

Вера посмотрела на неё, будто только сейчас поняла, что держит термос.

— Через минуту.

Она не встала. Подняла лицо к солнцу и на несколько мгновений закрыла глаза. Мара не стала предлагать помощь. Она лишь придвинула к Вере плед, который та принесла с собой.

Первой странность заметил пожилой Антипин. Он стоял на краю площади, неподвижно, с руками за спиной. Его тень лежала у ног. А потом медленно подняла руку и помахала.

Антипин обернулся так резко, что едва не уронил очки.

— Вы видели? — спросил он.

— Что? — отозвался кто-то.

— Ничего. Показалось, наверное.

Он прижал ладони к бокам и больше не шевелился. Тень тоже вытянулась на камне, как положено. Несколько человек переглянулись, но никто не засмеялся.

Рядом с фонтаном девочка с красным шариком присела, чтобы поправить сандалию. Её тень осталась стоять, вытянув руку к светлому камню у бордюра. Девочка выпрямилась, и тень повторила движение с заметным запозданием. Впрочем, солнечный свет ещё менял угол, объяснили взрослые. Может, неровная брусчатка. Может, глаза после темноты.

— У тебя тень за тобой не поспевает, — шепнул мальчик.

— Неправда, — сказала девочка и крепче обхватила верёвку шарика.

Илья попросил учеников построиться и пересчитал их. На этот раз он ошибся. Назвал одно и то же имя дважды, замолчал и начал сначала. Один из мальчиков тихо фыркнул. Илья услышал, но не стал делать замечание. Он выдохнул, посмотрел на ребят и спросил, не нужно ли кому-нибудь воды.

— Вы же говорили, что ничего страшного, — сказал тот же мальчик.

— Это и не было страшно, — ответил Илья.

— А вы почему так громко говорили?

Илья открыл рот, будто собирался выдать готовый ответ. Потом опустил руку.

— Хотел, чтобы вы меня слышали.

Мальчик пожал плечами, не споря и не соглашаясь. Илья снова пересчитал учеников. На этот раз всех.

Мара увидела свою тень, когда шагнула к термосу. Она лежала у ног, длинная и ясная, вытянутая в сторону площади. Сначала Мара решила, что ошиблась из-за угла солнца. Затем заметила руку: тень указывала на мастерскую.

Не просто вытягивалась туда, как вытянулась бы длинная тень в конце дня. Рука была поднята отдельно от тела и направлена прямо на закрытую дверь.

Мара застыла.

Её собственная рука опущена. Пальцы сжимают ремешок сумки. Она посмотрела на свою ладонь, потом на тень. Тень не двигалась. Дверь мастерской оставалась закрытой. На тёмном стекле отражалась площадь, и в отражении никто не стоял.

— Ты видела? — спросила Мара.

Вера подняла голову.

— Что именно?

Мара уже не знала, как объяснить. Она моргнула. Тень снова стала обычной: поднятая рука исчезла, фигура вытянулась к мастерской целиком. Как тень и должна была вытянуться, когда солнце стоит низко.

— Ничего, — сказала она.

Это был не ответ, а попытка закрыть дверь, которой не было.

Илья подошёл ближе, проследил за её взглядом и посмотрел на мастерскую.

— Там давно никого нет?

— Давно, — ответила Мара.

— Может, внутри что-то отразилось. Стекло, полированная поверхность. Или после темноты зрение...

— Может.

Они оба оставили объяснение незавершённым. Оно звучало разумно и всё же не подходило к тому, что Мара видела.

Площадь постепенно возвращалась к обычному шуму. В кафе звякнул колокольчик над дверью. Проехал автобус. Кто-то объяснял, что затмение влияет на восприятие контраста и глаз несколько минут адаптируется к свету. У другого на телефоне снимок получился размытым, и он списал это на автофокус. Антипин ушёл, не оглядываясь на свою тень. Девочка потянула мать за руку и попросила купить мороженое.

Люди находили объяснения, потому что объяснения помогали снова идти по привычным маршрутам. Они улыбались, шутили, проверяли фотографии. Но, расходясь по домам, почти все бросали взгляд вниз.

Мара задержалась у фонтана. Вера наконец поднялась, медленно, придерживаясь ладонью за край камня.

— Пойдём, — сказала она. — Мне нужно открыть кафе.

Она произнесла это так, словно собиралась не открыть дверь, а вернуться к тяжёлой работе, которую нельзя было отменить. Мара не спросила, почему Вера не отдохнёт. Вместо этого сказала:

— Я провожу тебя до угла.

— Не надо.

— Я всё равно туда иду.

Вера посмотрела на неё, потом кивнула.

Илья повёл учеников к школе. На перекрёстке он снова пересчитал их — уже негромко, не для того, чтобы его слышали, а чтобы не потерять счёт. Дети обсуждали затмение и спорили, чья тень вела себя страннее. Илья шёл рядом, не перебивая.

Солнце сияло ярко, будто ничего не случилось. На стенах лежали привычные пятна света. Двери открывались, часы продолжали отставать на две минуты. Но Мара, проходя мимо мастерской, посмотрела сначала на замок, потом на землю.

Её тень двигалась вместе с ней.

Всё-таки Мара не была уверена, что это значит. И не стала заставлять себя решить немедленно. Она только заметила, как сильно сжимает ремешок сумки, разжала пальцы и почувствовала, что плечо болит. Под обычным солнечным светом эти ощущения никуда не исчезли.

К вечеру город снова стал похож на себя. Люди разошлись по домам, рассказывая, как было красиво, как быстро всё закончилось и как забавно светились фонари. Но у перекрёстков они невольно замедляли шаг. Не потому, что ждали новой темноты. Просто теперь, прежде чем отвернуться, каждый успевал проверить, идёт ли его тень следом.

Вторник после затмения

Мара уронила ложку в чашку, выругалась и тут же извинилась перед пустой кухней.

Во вторник, на следующее утро после затмения, Ладога проснулась с обычной деловитостью. Пекарня выставила на улицу доску с меню, школьники тащили за собой ранцы, автобус у почты затормозил так резко, что водитель коротко посигналил собственному кофе. Солнце светило щедро, будто хотело возместить вчерашний провал.

Люди тоже старались вести себя обычно. Только иногда задерживали взгляд у ног. Женщина с авоськой у булочной повернулась на месте, словно проверяя, не отстала ли её тень. Двое школьников шли боком и хохотали, пока их мать не велела им прекратить «этот цирк». У входа в аптеку пожилой мужчина поднял руку, а затем посмотрел на землю, прежде чем поправить шляпу.

Мара заметила всё это и решила, что сама сегодня не будет смотреть вниз.

Решение продержалось до первого перекрёстка.

Она шла к мастерской, прижимая к боку бумажный пакет с булкой. На тротуаре перед ней вытянулась длинная тень. Мара свернула направо, обогнула лужу и пошла дальше. Тень на мгновение продолжила двигаться прямо, потом резко повернула следом.

Мара остановилась.

Тень остановилась не сразу.

Она сделала ещё один короткий шаг, будто опоздала на собственный поворот.

Мара оглянулась. За спиной были кирпичная стена, водосточная труба и закрытая витрина комиссионного магазина. В окнах напротив отражались дома, небо и она сама: бледная, невыспавшаяся, с булкой под мышкой.

— Просто свет, — сказала Мара.

На неё посмотрел мужчина, выгуливавший таксу.

— Конечно, — согласился он, хотя она обращалась не к нему.

Мара продолжила путь. Теперь она проверяла отражения в каждом окне. Поворачивала голову, смотрела на солнечные пятна, двигалась чуть быстрее, потом медленнее. Может, дело в облаках. Может, глаза устали. Может, она вчера слишком долго стояла на площади, всматриваясь в исчезнувшее солнце, и сегодня мозг дорисовывал то, чего не было. Мозг вообще любил дорисовывать. Особенно когда его не просили.

У мастерской она сначала посмотрела на замок, потом на мостовую.

Тень лежала возле её ног.

— Хорошо, — сказала Мара. — Мы обе пришли.

Мастерская встретила её запахом дерева, пыли и остывшего кофе. На верстаке лежала недокрашенная рама, у стены ждали ремонта два стула. Всё было на местах, если не считать стула, который она вчера оставила перевёрнутым, чтобы подлатать ножку, а сегодня обнаружила стоящим на всех четырёх.

Мара остановилась в дверях.

Потом вспомнила, что вечером могла сама поставить его обратно. Усталость стирала мелкие действия так же умело, как ластик карандашные линии.

Она закрыла дверь, сняла куртку и повесила её на крючок. Тень подняла руку к куртке следом, но задержалась. Не на целый шаг, как на улице. На долю секунды. Однако Мара видела это так ясно, что пальцы на вешалке похолодели.

Она включила потолочный свет, потом настольную лампу. Подошла к окну и задвинула половину занавески. В комнате получились два разных источника света, две тени. Мара поворачивалась, поднимала руки, наклонялась к верстаку. Одна тень двигалась резко, другая расплывалась по стене, но обе послушно повторяли её движения.

— Оптическая иллюзия, — сказала она. — Самая дорогая из доступных. Бесплатная.

Она выключила лампу и распахнула занавеску. Солнце вошло в мастерскую полосой, упёрлось в стеллажи и разрежало пол на светлые прямоугольники. Мара поставила на стол чашку, достала отвёртку, проверила раму. Обычные действия. Обычный вторник.

Тень упала на дверь мастерской. Мара держала в обеих руках раму и не двигалась.

На тени одна рука медленно поднялась к груди.

Мара тоже посмотрела вниз на свои руки. Они держали раму. Пальцы побелели от усилия.

Тень коснулась горла.

Мара резко обернулась. Пустая дверь, пустой коридор. Только свет и тёмный контур её головы на досках.

Она опустила раму на верстак. Руки дрожали так, что дерево тихо стукнуло о столешницу.

В это время вошёл Илья. Он принёс петлю для ящика и по привычке постучал ею о ладонь.

— Ты видела? — спросил он.

— Что именно?

— Твоё лицо. Ты выглядишь так, будто в мастерской завёлся налоговый инспектор.

— Это было бы проще объяснить.

Илья осмотрел помещение. Его тень двигалась с ним, но он остановился у верстака и не посмотрел под ноги. Может, заметил, может, нет.

— Как ты спала? — спросил он.

— Прекрасно. Меня разбудили будильник, мысли и, кажется, ложка.

— Последняя хотя бы не разговаривала.

— Пока.

Илья улыбнулся, но тут же стал серьёзным.

— Мара, если сегодня будет странно, не делай вид, что это смешно.

— Я не делаю. Я просто предпочитаю странности с хорошим чувством юмора.

Он поставил петлю на стол и ушёл за заказом к соседу. Мара проводила его взглядом, потом посмотрела на свою тень. Та лежала у двери, неподвижная и вполне невинная.

На телефон пришёл звонок. Отец.

Имя высветилось на экране, и внутри у Мары что-то сразу сжалось, словно организм решил спрятаться раньше, чем она успеет придумать причину. Она смотрела, как телефон вибрирует возле чашки. Раз. Второй. Третий.

Она могла ответить. Сказать «привет». Спросить, зачем он звонит. Выслушать очередное замечание о том, что мастерская отнимает у неё все силы, или объяснение, почему он «просто хотел узнать». Могла спросить, почему он сам никогда не приезжает без предупреждения. Могла не спрашивать ничего.

Звонок прекратился.

— Сейчас не могу, — сказала Мара в пустой комнате.

Она не знала, кому именно это объясняет.

Когда подняла глаза, тень от верстака вытянулась к двери. Не длиннее обычного. Не темнее. Просто находилась дальше от её ног, чем должна была. Мара шагнула назад. Тень осталась на месте.

Она отступила ещё на шаг.

Тень всё ещё лежала у двери.

Мара подошла к телефону. Её руки были пусты, но тень, вытянутая на полу, будто подняла ладонь и потянулась к аппарату.

Телефон молчал.

Мара почувствовала, как напряглась челюсть. Она разжала зубы. Плечи болели. Она опустила их и обнаружила, что сжимает пальцами край фартука.

Вместо того чтобы открыть дверь и позвать Илью, она выдвинула ящик стола и достала блокнот. Тот самый, где записывала размеры деталей, расходы на материалы и списки вещей, которые откладывала до «когда будет время». На первой чистой странице она провела линейкой пять столбцов.

Время. Событие. Чувство. Тело. Тень.

— Восхитительно, — пробормотала Мара. — Теперь у меня есть таблица, значит, происходящее официально стало разумнее.

Она записала:

8:16. Повернула на перекрёстке. **Чувство:** удивление, потом тревога. **Тело:** сжала пакет, задержала дыхание. **Тень:** продолжила идти прямо, повернула позже.

Мара посмотрела на запись и добавила: «Возможно, угол света». Потом обвела слово «возможно», словно оно могло кого-то успокоить.

Следующая запись появилась через несколько минут:

9:04. Держала раму. **Чувство:** испуг. **Тело:** холод в пальцах, напряжение в руках. **Тень:** подняла руку к горлу, хотя мои руки были заняты.

На «хотя» она поставила крошечный восклицательный знак, затем зачеркнула его. Слишком драматично. Хотя нет. Если уж заводить наблюдения, незачем портить их притворством.

Около одиннадцати Мара решила проверить, связана ли странность с усталостью. Вымыла лицо холодной водой. Выпила стакан воды. Съела половину булки, которую забыла на верстаке. Подвигала шеей, потерла глаза, посмотрела на табличку с графиком работы, не шурясь.

Тень двигалась за ней точно.

Значит, можно было выдохнуть. Или хотя бы задержать выдох не так надолго.

В полдень она отнесла отремонтированный стул в зал и вернулась в мастерскую. Солнце переместилось, и тень у двери стала короче. Мара включила только потолочную лампу. Потом выключила её и оставила один свет из окна. Положила на пол линейку, чтобы видеть край собственной тени. Проверила, не движется ли она из-за ветвей за стеклом.

Ничего.

На всякий случай Мара подвинула стул и снова поставила его на прежнее место. Тень стула послушно скользнула по полу.

— Вот так, — сказала она. — Хорошая тень. Надёжная. Почти образцовая.

Она подумала об отце и тут же повернулась к верстаку, будто поймала себя за руку. Взяла отвёртку, нашла винт, который можно было подтянуть, и принялась за работу. Телефон молчал. В груди оставалось неудобное место, как будто там забыли вынуть маленький камешек.

Мара крепче сжала отвёртку.

Тень не двинулась.

Она заметила это. Посмотрела на часы. Записала время.

12:38. Пытаюсь работать и не думать о звонке. **Чувство:** раздражение, тревога. **Тело:** стиснула зубы, сдавила ручку отвёртки. **Тень:** пока без изменений.

«Пока без изменений» звучало как запись в медицинской карте. Мара почти усмехнулась. Через две минуты телефон завибрировал снова.

Отец.

Мара не ответила. На этот раз она даже не притворилась, что выбирает: взгляд упал на экран, палец завис над кнопкой, потом отступил. Она сказала себе, что перезвонит вечером. Сказала, что сейчас занята. Сказала, что ничего страшного не происходит.

Телефон перестал звонить.

Мара положила его экраном вниз.

На полу её тень медленно отделилась от ножки стола. Вернее, так ей показалось. Она растянулась по доскам и поползла к двери, хотя Мара стояла неподвижно. Потом остановилась примерно в двух шагах от неё.

Мара не двинулась.

Теперь она слышала каждый звук: тиканье настенных часов, гул холодильника в комнате отдыха, скрип дерева под собственным весом. За окном кто-то смеялся. На улице звякнул велосипедный звонок.

Тень лежала у двери, будто ждала.

Мара подняла блокнот. Чернила расплылись под пальцами: ладони вспотели.

12:41. Отец позвонил второй раз. Не ответила. **Чувство:** страх и злость. Ещё скучаю. **Тело:** сдавило горло, жар в щеках, ладони мокрые. **Тень:** отошла к двери, примерно на два шага. Не повторяет мою позу.

На словах «ещё скучаю» рука замерла. Мара хотела зачеркнуть их. Они выглядели слишком откровенными, почти неприличными. Но это была её тетрадь, и никто не собирался выставлять её в витрину.

Она оставила слова на месте.

Мара стала перечитывать строки. Восемь шестнадцать: удивление и тревога, тень опоздала. Девять ноль четыре: испуг, руки заняты, тень подняла ладонь к горлу. Двенадцать сорок один: злость и страх, тело сжалось, тень ушла к двери.

Часы, обстоятельства, чувства, реакции тела. Между ними возникала связь. Не доказательство. Пока только узор, похожий на следы на влажной земле: можно было принять их за случайность, но теперь уже трудно было не видеть, куда они ведут.

Мара не знала, что значила тень. Не знала, была ли она отражением, игрой света или чем-то, для чего у неё пока не имелось слова. Зато она знала другое: каждый раз, когда говорила себе «ничего», тело не соглашалось. Сжимало горло. Поднимало плечи. Сводило пальцы.

Она потёрла место у ключицы.

— Я злюсь, — произнесла Мара.

Тень у двери не шелохнулась.

— И мне страшно с ним разговаривать.

Слова прозвучали буднично. Никакого грома, никаких трещин в стенах. Только тиканье часов продолжало отставать на две минуты.

— И я скучаю, — добавила она.

На этот раз голос дрогнул. Мара почувствовала, как отпустило плечи. Не совсем, но достаточно, чтобы заметить разницу. Она посмотрела на пол. Край тени возле двери чуть сдвинулся.

Мара выпрямилась.

— Нет, погоди. Это не тест, если я сразу решу, что ты ответила.

Она вышла из мастерской, прошла до конца коридора и вернулась. Тень осталась подле её ног. Потом она повторила путь, глядя не на стены и не на окна, а прямо на неё. Всё совпадало. У двери Мара остановилась. Тень остановилась тоже, уже почти у её пяток.

Она записала:

13:02. Назвала чувства вслух. **Чувство:** всё ещё тревожно, но легче дышать. **Тело:** плечи опустились, ладони сухие. **Тень:** стала ближе. Не уверена, что это связано.

Последнюю фразу она подчеркнула. Не потому, что сомневалась в себе. Потому что не хотела выдумать ответ заранее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.